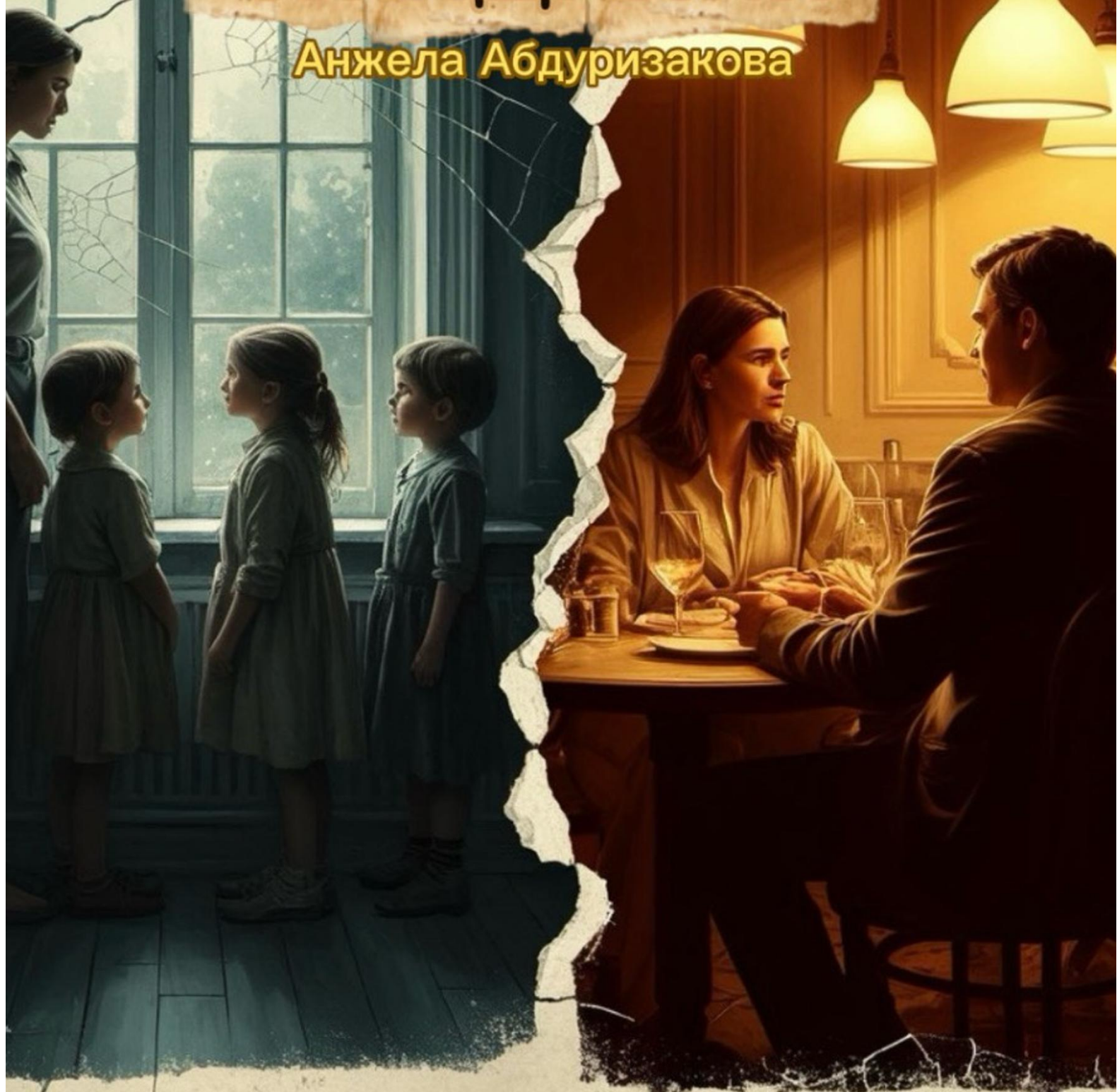

ДЕСЯТЫЙ ГОД ОЖИДАНИЯ

Анжела Абдуризакова

Анжела Абдуризакова

Десятый год ожидания

«Автор»

2026

Абдуризакова А.

Десятый год ожидания / А. Абдуризакова — «Автор», 2026

Десять лет она ждала. Верила каждому «ещё немного», каждому «дети должны подрасти». Была удобной, понимающей, всегда красивой. Встречала с горячим ужином и любовью. Родила троих детей — в тайне, в стыде, в надежде. А потом он наконец ушёл от жены. Чемоданы у двери, кольцо на пальце, свадьба. «Мы победили!» — думала она. Но когда закрылась дверь квартиры, сказка закончилась. Человек, которого она боготворила, стал чужим. Вместо благодарности — обесценивание, угрозы, тишина. А потом — суд, раздел имущества, переезд в чужой город к больной матери, работа мойщицей посуды и трещины на потолке съёмной комнаты. Это не история о том, как собрать себя по кускам. Это урок — жёсткий и безжалостный, — о том, как делать не надо. О том, что нельзя лезть в чужую семью и думать, что ты победишь. Что «потом» не наступает. Что иллюзия не становится реальностью. И что бумеранг всегда возвращается.

© Абдуризакова А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

ДЕСЯТЫЙ ГОД ОЖИДАНИЯ	5
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Анжела Абдуризакова

Десятый год ожидания

ДЕСЯТЫЙ ГОД ОЖИДАНИЯ

Предисловие автора

«Наконец-то мы победили!» — кричало что-то внутри, когда он поставил чемоданы у моей двери, а на пальце блеснуло долгожданное кольцо. Победили. Прошли. Выстояли. Десять лет — и вот он здесь. Мой.

Но теперь, когда всё давно закончилось, когда я сижу ночью на холодной кухне и слышу, как он храпит в соседней комнате, равнодушный ко мне и к троим нашим детям, мне хочется задать один вопрос той женщине, которой я была. Той, что плакала от счастья в день свадьбы. Той, что верила, будто любовь — это прыжок с закрытыми глазами и мягкое приземление в объятия правильного человека.

Кого мы победили?

Жену? — ту, что спала в пустой постели, варила ему борщи и ждала по вечерам, как и я, только на законных основаниях? Которая тоже, наверное, плакала. Тоже не спала ночами. Тоже думала: «Что со мной не так?»

Детей от первого брака? — тех, кто вырастет и однажды спросит: «Папа, почему ты ушёл?» — и не получит честного ответа? Тех, кто будет чувствовать себя брошенными, недолюбленными, недостаточными? Их мы победили?

Себя? — ведь именно себя я победила в первую очередь. Убила в себе гордость, достоинство, способность говорить «нет». Загнала в угол собственные потребности, закрыла глаза на красные флаги, накормила себя иллюзией, что терпение — это добродетель, а ожидание — это любовь.

Я пишу эту книгу не для того, чтобы кого-то осудить. Не для того, чтобы сказать: «Я была права» или «Он был неправ». Я пишу её, потому что молчала десять лет, а потом молчала ещё три. И молчание это съело меня изнутри, как ржавчина ест железо — медленно, незаметно, до тех пор, пока от тебя не остаётся только оболочка, способная держать форму, но не несущая в себе ничего.

Я пишу, потому что знаю: я не единственная. Прямо сейчас, пока вы читаете эти строки, какая-то женщина накрывает на стол для мужчины, который пообещал «скоро уйти от жены». Какая-то женщина гладит рубашку, которую он наденет и поедет домой, к другой. Какая-то женщина верит, что её случай — особенный. Что её мужчина — не такой. Что их любовь — настоящая, и ради настоящей любви можно ждать.

Я тоже так думала. Я тоже верила.

Сначала лезут в семью, извиваются как змеи, подкладываются — а потом думают, что побеждают всемирное зло. Я знаю, как это звучит. И я знаю, как больно это читать. Но я должна быть честной, потому что честность — единственное, чего мне не хватало все эти годы. Ни от него — он лгал. Ни от себя — я лгала себе. Ни от мира — мир подыгрывал мне, потому что всем удобнее, когда женщина молчит и улыбается.

Эта книга не оправдание и не обвинение. Это — история. Моя история. Со всеми её грязными, стыдными, унижительными деталями, которые я годами прятала даже от себя.

Я не знаю, к чему она вас приведёт. Может, к злости на меня. Может, к сочувствию. Может, к узнаванию. Может, к решению перестать ждать.

Но если хоть одна женщина, прочитав эти страницы, посмотрит на свою жизнь честно — без прикрас, без иллюзий, без того сладкого тумана, в котором я жила десять лет, — тогда всё это было не зря.

Глава 1. Тридцать первое декабря

Мне было двадцать три, и я не знала, что жизнь уже началась.

Не в том смысле, в каком мы привыкли говорить: «Жизнь начинается в двадцать» или «Всё ещё впереди». Нет. Жизнь уже шла — полным ходом, с конкретными людьми, конкретными решениями и конкретными последствиями. Просто я не обращала внимания. Мне казалось, что всё настоящее — где-то впереди, за поворотом, после следующего шага, после того, как вот это закончится и начнётся то, настоящее.

Мне двадцать три. Я работаю в небольшой архитектурной студии на Тургеневской. Не архитектором — я даже не закончила институт. Я — помощник. Приношу кофе, распечатываю чертежи, отвечаю на звонки, иногда правлю тексты в презентациях. Зарплата смешная, но мне хватает на комнату в съёмной квартире на Комсомольской и на кроссовки, которые я меняю раз в полгода.

Я не несчастна. Нет. Я просто... не вижу цели. Как будто стою на платформе, и мимо меня проносятся поезда, а я не знаю, на какой мне нужно. Все куда-то едут, все торопятся, все уверены в маршруте, а я стою с билетом, на котором не указан пункт назначения.

Тридцать первое декабря. Офис пустой. Все разъехались кто куда — к семьям, к родителям, к друзьям. Шеф, Дмитрий Аркадьевич, ушёл первым, бросив на ходу: «Ты, Мариночка, тоже иди, чего ты тут сидишь». Я кивнула. Осталась.

Сидела у окна, смотрела на снег. Он падал крупными, неспешными хлопьями, и мне казалось, что он падает специально для меня — потому что больше некому. Все люди, все эти миллионы, были заняты своими делами: резали оливье, накрывали на стол, ссорились из-за того, куда поставить бутылку шампанского, мирились, целовались под бой курантов. А я сидела одна в тёмном офисе и слушала тишину.

Телефон звякнул. Мама. Я не ответила.

Не потому, что не хотела. А потому, что если отвечу — она спросит, где я, с кем я, когда приеду. И мне придётся сказать: «Нигде. Ни с кем. Не приеду». А потом она вздохнёт — тем самым вздохом, который слышен даже по телефону, — и я почувствую себя ещё более одинокой, чем есть.

Я дочитала журнал. Выключила компьютер. Натянула пальто. Вышла.

Москва тридцать первого декабря — это особый город. Он не пустой и не полный. Он — затаивший дыхание. Как будто все уже внутри, за закрытыми дверями, и улицы принадлежат только тем, кому некуда идти. Мне — некуда.

Я дошла до метро. Спустилась. Поезд подошёл пустой — редкость для Москвы. Я села у окна, прижалась лбом к холодному стеклу. За окном мелькали туннели, провода, огни. Я закрыла глаза.

Когда я вышла на Комсомольской, снег повалил гуще. Я шла по улице, утопая в сугробах, и вдруг остановилась. У входа в маленький, тёмный ресторанчик — не помню названия, что-то итальянское — стоял мужчина. Он курил. Один. В тёмном пальто, с мобильным у уха. Он говорил что-то тихо и спокойно, и изо рта у него шёл пар, смешиваясь с дымом.

Он заметил меня. Окинул взглядом — быстро, но цепко. Как человек, который привык считывать обстановку. Я прошла мимо, утопая в снегу, и уже почти свернула за угол, когда услышал за спиной:

— Простите!

Я обернулась. Он стоял у двери ресторана, телефон уже убран, лицо — открытое, тёмные глаза, чуть седые виски. Не красавец, нет. Но что-то в нём было. Какая-то уверенность. Спокойная, не наигранная. Он не позировал. Он просто был.

— Вы не знаете, тут где-нибудь аптека открыта? У меня дочь температура, а всё закрыто.

Я застыла. Дочь. Температура. Он женат. У него ребёнок. Я это поняла мгновенно, как будто прочла табличку на лбу. И всё-таки...

— Тут на соседней улице, — сказала я. — Сейчас покажу.

Мы пошли вместе. Он представился: Артём. Артём Владимирович. Без фамилии, без подробностей. Просто — Артём. Я назвалась: Марина. Мы дошли до аптеки, он зашёл, вышел с пакетом. Поблагодарил. Мы постояли минуту.

— Вы одна? В такой вечер?

— Да, — сказала я. И почему-то не соврала. Не сказала «да, с друзьями», не сказала «да, просто вышла прогуляться». Просто — да.

Он помолчал. Потом сказал:

— Я бы пригласил вас выпить кофе, но мне нужно бежать. Дочь болеет. — Пауза. — Но если вы не против... Можно вам позвонить? Когда-нибудь?

Я кивнула. Дала номер. Он набрал тут же, чтобы я видела. «Артём» высветилось на экране.

Мы попрощались. Он ушёл. Я осталась стоять в снегу с телефоном в руке и непонятным чувством в груди — как будто кто-то приоткрыл дверь, из которой шёл тёплый свет, и тут же захлопнул.

Я вернулась домой. Соседка по квартире, Лена, уже уехала к маме. Я была одна. Налила чай, села у окна. За стеной кто-то включил телевизор — шёл какой-то новогодний концерт, слышался смех, музыка. Я смотрела на снег и думала: вот тебе и тридцать первое декабря.

В полночь он позвонил.

— С Новым годом, — сказал он. — Дочка уснула. Температура спала. Я вот сижу один на кухне и подумал... С Новым годом, Марина.

— С Новым годом, Артём.

— Можно я вам позвоню завтра?

— Можно.

Он позвонил не завтра. Он позвонил второго января. Потом четвёртого. Потом шестого. А десятого мы встретились.

Я помню эту первую встречу во всех деталях, до сих пор. До запаха его парфюма, до пятна кофе на манжете его рубашки, до того, как он усмехнулся, когда я споткнулась о порог кафе и чуть не упала. Он поймал меня за локоть — крепко, уверенно, — и сказал:

— Легко.

Я засмеялась. Он улыбнулся. И всё. Так началось.

Мы сидели в маленьком кафе на Покровке. Он пил эспрессо — двойной, без сахара. Я — латте с карамельным сиропом. Он рассказал, что ему тридцать семь. Что он занимается — он назвал слово, которое я не запомнила, что-то про инвестиции и консалтинг. Что у него двое детей — девочка шести и мальчик четырёх. Что он женат. «Восемь лет», — сказал он и не добавил больше ничего.

Я тоже рассказала. Про работу, про комнату, про то, что не закончила институт, про маму, которая живёт в Ростове и каждый раз, когда я приезжаю, спрашивает, когда я выйду замуж. Он слушал. По-настоящему слушал — не как те парни, с которыми я встречалась раньше: они кивали, поддакивали, ждали, когда можно будет перебить и рассказать о себе. Артём слушал глазами. Так мне казалось.

— А почему не закончила? — спросил он.

Я пожала плечами.

— Не знаю. Не хватило чего-то. Не денег, нет. Характера, наверное. Или цели. Как будто шла куда-то, а потом раз — и не помню куда.

Он кивнул. Не осудил. Не посоветовал. Просто — кивнул. И я впервые за долгое время почувствовала, что меня видят. Не оценивают, не меряют, не сравнивают. Видят.

Мне было двадцать три. Ему — тридцать семь. Он был женат, имел двоих детей, успешный бизнес и уверенность в каждом движении. А я была... никто. Помощник в архитектурной студии, с съёмной комнатой и без плана на жизнь. И когда он в конце вечера спросил:

— Можно я провожу вас? — я сказала «да». Не потому, что хотела романа. А потому, что не хотела, чтобы вечер заканчивался.

Мы шли по Покровке, потом по Маросейке, потом по Подкопаевскому, и снег падал нам на плечи, и он рассказывал, как в детстве жил в маленьком городке, как отец работал на заводе, как мать пекла пироги по воскресеньям, и как он с тех пор не может есть пироги с капустой, потому что они пахнут домом, а дома больше нет — отец умер, мать в доме престарелых.

— Дом — это не стены, — сказал он. — Дом — это запах. Когда запах исчезает, дом исчезает вместе с ним.

Я ничего не сказала. Просто шла рядом и слушала. И мне казалось, что я и есть его дом. Что я могу стать этим запахом. Что я могу вернуть ему то, что он потерял. И это — моя цель. Моё предназначение. Та самая точка на билете, которая всё это время оставалась пустой.

Мы дошли до моего подъезда. Он остановился. Я остановилась. Он посмотрел на меня — долго, без слова. Потом наклонился и поцеловал. Коротко, легко, как будто спрашивал разрешения. Я ответила.

И всё.

Он ушёл. Я поднялась к себе. Села на кровать. Положила руку на сердце — оно стучало так, как будто я пробежала марафон. И я подумала: вот. Вот оно. То, ради чего стоило стоять на платформе и ждать.

Я не знала тогда, что поезд, на который я села, идёт не туда.

Глава 2. Иллюзия вступает в права

Первые три месяца были похожи на кино. Не на российское — на французское, где герои курят в маленьких кафе, спят в узких кроватях под простынями, пахнущих лавандой, и говорят друг другу такие слова, от которых хочется плакать от красоты.

Мы виделись два, иногда три раза в неделю. Он звонил утром, по дороге на работу. «Доброе утро, Марина. Как вы?» — «Хорошо. А вы?» — «Теперь — лучше». И вешал трубку. Тридцать секунд. Но эти тридцать секунд я ждала весь день, всю ночь, всё утро.

Мы встречались в кафе, в парке, у меня дома. Никогда — у него. Его дом был табу. Я не спрашивала. Не потому, что не хотела знать. А потому, что знала: если спрошу, он скажет «не могу», и стена появится между нами, а я этой стены боялась больше, чем правды.

Правда была проста. У него была жена. У него были дети. У него была другая жизнь, в которую меня не было. И я согласилась на эти правила. Не обсуждая. Не торгуясь. Просто — согласилась. Потому что мне казалось, что любовь не торгуется. Любовь — это когда ты берёшь то, что дают, и благодарна.

Он давал мне внимание. Мало — крошками, как хлеб птицам в парке. Но мне хватало. Он звонил — и я расцветала. Он не звонил — и я увядала. Целыми днями я ждала звонка, проверяла телефон каждые пять минут, придумывала причины, почему он не звонит: «Занят», «Совещание», «С детьми», «Жена рядом». Все причины были уважительные. Все — объяснимые. Ни одна — не про меня.

Он дарил мне цветы. Не часто, но красиво. Огромные букеты — пионы, гортензии, ранункулюсы. Приносил к двери, и я открывала, и он стоял с этим букетом, и я думала: вот оно, счастье. Именно так. Букет в дверях. Мужчина, который пришёл.

Он водил меня в рестораны. В те, куда я никогда бы не пошла сама. С тёмным деревом, белыми скатертями, сомелье, который наливает вино с таким видом, как будто совершает таинство. Я не знала, что заказывать. Артём заказывал за меня — и мне нравилось это. Нравилось, что кто-то берёт на себя решения. Что кто-то — взрослый, уверенный, знающий — выбирает за меня вино, закуски, десерт. Я так устала выбирать всё сама: что есть, куда пойти, кем быть. Я хотела, чтобы кто-то сказал: «Вот. Ешь. Это хорошо».

Он спрашивал про мою работу. Про маму. Про мечты. Я говорила: мечтаю о своём доме. О саде. О собаке. О детях. Он слушал, кивал, и говорил:

— У тебя будет всё это. Обязательно будет.

Я верила. Не потому, что он обещал — он не обещал. Он говорил «будет», а не «я тебе дам». Разница огромная, но я её не видела. Я слышала только «будет». А «будет» — это будущее. А будущее — это надежда. А надежда — это всё, что у меня было.

Первый раз мы переспали через две недели. У меня дома. Лена уехала к маме на выходные, и квартира была моя.

Я готовила. Купила новое бельё — белое, простое, из дорогого магазина, куда я обычно не заходила. Потратила почти всю зарплату. Но мне было всё равно. Я хотела, чтобы всё было идеально.

Он пришёл с вином и цветами. Мы сидели на кухне, пили, разговаривали. Он рассказывал про свою работу — что-то про сделки, про партнёров, про риски. Я не понимала половины, но кивала, и мне было хорошо в этом непонимании. Как будто его мир — сложный, взрослый, серьёзный — обнимал мой, маленький и неустроенный, и говорил: «Тут тебе нечего бояться».

Потом он притянул меня к себе. Мы целовались на кухне, потом в коридоре, потом в комнате. Он был нежным. Аккуратным. Осторожным, как будто боялся сломать. И мне казалось, что это — любовь. Что нежность — это и есть любовь. Что осторожность — это и есть забота. Что «аккуратно» — это и есть «бережно».

Я не знала тогда, что нежность может быть способом не приближаться. Что осторожность может быть формой дистанции. Что «аккуратно» — это не «я берегу тебя», а «я не хочу оставлять следов».

После он лежал рядом, и я прижалась к нему, и он обнял меня — одной рукой, расслабленно, как обнимают подушку. И я сказала:

— Я тебя люблю.

Он помолчал. Потом поцеловал меня в макушку и сказал:

— Ты прекрасная.

Не «я тебя тоже». Не «я люблю тебя». «Ты прекрасная». Комплимент вместо признания. И я приняла его. Как принимала всё — цветы, вино, внимание, крошки. С благодарностью. С мыслью: «Он ещё не готов. Ему нужно время. Я подожду».

Так появилось слово, которое определяло следующие десять лет моей жизни: «подожду».

Первый шок пришёл на третьем месяце.

Мы сидели в кафе — нашем кафе, на Покровке, где всё началось. Он был задумчив. Не улыбался. Крутил чашку в руках. И вдруг сказал:

— Марин, я должен быть честным. Я не уйду от жены.

Мир не рухнул. Небо не обвалилось. Земля не разверзлась. Просто — стало тихо. Как будто кто-то выключил звук во всей вселенной, и я осталась одна в этой тишине, с чашкой латте и сердцем, которое вдруг забилося не в том ритме.

— Почему? — спросила я.

— Дети, — сказал он. — Они маленькие. Я не могу их оставить. Не сейчас.

— А потом?

— Потом — посмотрим.

«Потом посмотрим». Это выражение станет моим проклятием. Я буду слышать его снова и снова, в разных вариантах, с разными интонациями: «Потом», «Чуть позже», «Когда дети подрастут», «Когда ситуация изменится», «Когда я буду готов». Но суть всегда будет одна: не сейчас. Не сегодня. Не в этот раз. Подожди. Ещё немного. Совсем чуть-чуть.

Я кивнула. Не заплакала. Не стала спорить. Не встала и не ушла. Я — кивнула.

Потому что мне было двадцать три, и я верила, что любовь побеждает всё. Что если любить достаточно сильно, достаточно долго, достаточно терпеливо — человек изменит своё решение. Что «не сейчас» не значит «никогда». Что «потом» — это обещание, а не отговорка.

Я осталась.

И это — решение, от которого не откатиться. Как поезд, который тронулся с перрона: ты ещё можешь прыгнуть, но с каждым метром всё быстрее, всё страшнее, и вот уже платформа далеко позади, и ты внутри, и остановки нет.

Мне нужно было рассказать кому-то. Поделиться. Выговориться. Но с кем?

Мама? Она бы ахнула, всплеснула руками и сказала: «Марина! Что ты делаешь?! Он же женат!» А потом бы села в поезд и приехала, и стояла бы у моей двери с пирогами и слезами, и я не выдержала бы. Я не готова была к маминому «я же говорила».

Лена? Моя соседка. Она бы поняла — может быть. Но она бы рассказала своей подруге, а та — своей, и к утру весь наш подъезд знал бы, что Марина спит с женатым. Нет.

Подруги? У меня не было подруг. Не потому, что я не умела дружить. А потому, что в последние два года я отдалилась от всех. Сначала — из-за работы: все мои силы уходили на то, чтобы не быть уволенной. Потом — из-за Артёма: мне не хотелось ни с кем делить его. Даже словами. Даже упоминанием. Он был мой, и я хотела держать его при себе, как сокровище, которое прячут от чужих глаз.

Я осталась одна со своей тайной. И эта тайна начала расти, как опухоль — незаметно, но неостановимо.

Глава 3. Первый год

Первый год — золотой. Я знаю это теперь: первый год отношений с женатым мужчиной — всегда золотой. Потому что в нём ещё нет усталости. Нет разочарования. Нет тех десяти лет ожидания, которые съедают тебя до костей. Есть только — страсть, новизна, тайна.

Тайна — мощный наркотик. Я не знала этого раньше. Не понимала, почему любовные романы всегда начинаются с тайны: запретная любовь, тайные встречи, украденные часы. Мне казалось, это литература, условность, приём. Оказалось — нет. Тайна — это химия. Она работает как дофамин: ты получаешь кайф от того, что не должен. От того, что запрещено. От того, что — только ваше, только между вами, только в тёмной комнате за закрытой дверью.

Мы встречались у меня. Всегда у меня. Он приезжал после работы — иногда в семь, иногда в девять, иногда в одиннадцать. Я ждала. Каждый вечер готовила, как будто он придет. Иногда он приезжал. Иногда — нет.

Когда не приезжал, я звонила. Осторожно. Один звонок. Если не отвечал — больше не звонила. Он перезванивал, когда мог. Иногда через час. Иногда через день. Иногда через три дня.

В первые месяцы это было терпимо. «Занят», «Совещание», «Семья». Все — уважительные. Я понимала. Я была понимающей. Я была — идеальной любовницей.

Кто такая идеальная любовница? Это женщина, которая ничего не требует. Не звонит, когда не нужно. Не пишет лишних сообщений. Не устраивает сцен. Не спрашивает: «Когда ты уйдёшь от жены?» Не обижается. Не плачет — при нём. Не жалуется. Не ноет. Не давит.

Она — отдых. Она — праздник. Она — та реальность, в которую мужчина убегает от своей основной реальности. И её задача — быть лёгкой. Воздушной. Незаполняющей.

Я научилась этому быстро. Как будто знала заранее. Как будто где-то внутри меня всегда сидела эта программа — «будь удобной, и тебя не бросят». И я включила её, и она заработала, и я стала удобной. Удобной для него. Невыносимой для себя.

Но я не знала этого тогда. Тогда мне казалось, что я — живу. Что эти встречи — и есть жизнь. Что его звонок — и есть смысл. Что его «ты прекрасная» — и есть любовь.

Артём стал приезжать чаще. Три-четыре раза в неделю. Каждый раз — с цветами или вином или шоколадом. Каждый раз — с разговорами. Он рассказывал мне о своём детстве, о молодости, о мечтах, которые не сбылись: «Хотел стать архитектором, но отец сказал: «Бизнес — это серьёзно, а архитектура — для романтиков». И я пошёл в бизнес. И теперь не жалею — почти».

— А что жалеешь? — спросила я.

Он помолчал.

— Что не послушал себя.

И я подумала: я помогу тебе послушать себя. Я помогу тебе стать тем, кем ты хотел. Я буду твоей поддержкой, твоим тылом, твоим домом. Ты ещё увидишь.

Это — ловушка. Самая страшная ловушка, в которую попадают женщины, влюблённые в женатых. Нам кажется, что мы спасём. Что наша любовь — достаточно сильная, чтобы изменить человека. Что если любить правильно, достаточно, безусловно — он станет другим. Уйдёт от жены. Перестанет бояться. Начнёт жить «настоящей» жизнью — с нами.

Мы не понимаем, что человек не меняется от любви. Человек меняется от собственного решения. А если решения нет — никакая любовь не поможет. Можно любить до изнеможения, до потери себя, до пустоты — и ничего не изменится. Человек остаётся таким, каким был. Просто — рядом с тобой.

Первый Новый год вместе. Не с ним, конечно — с ним невозможно Новый год. Он в семье, с детьми, с женой. У них ёлка, подарки, мандарины, «Ирония судьбы» по телевизору. А у меня — чай, телефон и ожидание.

Я украсила комнату. Купила гирлянду, маленькую ёлочку — искусственную, потому что настоящая казалась мне слишком грустной: стоит, живёт, а потом — на помойку. Повесила на неё шарики — красные и золотые. Поставила на подоконник.

Тридцать первого, в одиннадцать вечера, он прислал сообщение: «С Новым годом. Я думаю о тебе. Спи, моя хорошая. Завтра позвоню».

Я перечитала это сообщение четыре раза. «Спи, моя хорошая». «Моя». Он назвал меня «своей». Первый раз. Не «ты прекрасная», а «моя». Я прижала телефон к груди и заплакала. От счастья. От одиночества. От невозможности этих двух чувств существовать одновременно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.